

К итогам XV Всемирного социологического конгресса

© 2003 г.

Н.Е. ПОКРОВСКИЙ

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО КОНГРЕССА

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич - доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой общей социологии Государственного университета - Высшая школа экономики.

Создать завершённую аналитическую картину огромного конгресса едва ли возможно. Как и все предыдущие, XV Всемирный социологический конгресс представлял собой необычайное разнообразие лиц, идей, теорий, предметных областей исследований, внутренних "политических" ситуаций в отношении выборов руководства и т.д. С известными оговорками можно сказать, что в рамках одного конгресса существовало несколько "уровней", интеллектуальных "подсистем", которые лишь отчасти пересекались, соприкасались друг с другом.

Из этого следует, что участники конгресса на вопрос: "Что вы думаете о прошедшем событии?" могут дать совершенно различные ответы, но все эти ответы по-своему будут верными. Тем не менее, несколько мыслей по поводу теоретического содержания Конгресса.

Печальная судьба теории глобализации?

Первая мысль носит скорее характер негативный. В ней превалирует частица "не". На мой взгляд, конгресс не обнаружил признаков появления новой социологической парадигмы. Причем это "необнаружение" разворачивалось на фоне снижения популярности теории глобализации, которая доминировала в Билефельде и Монреале. Иными словами, как говорили классики, немое кино снимать перестали, а звуковое - не начали. Теоретическое безвременье, межсезонье. Наверное, можно сказать и так. Но это межсезонье обозначилось в перекрестии двух событий. Группа видных социологов (Дж. Александер, Н. Смелзер, П. Штомпка) в течение последних четырех лет целенаправленно разрабатывала теорию социокультурной травмы, полагая, что этот теоретический конструкт может в какой-то степени стать инструментом анализа и интерпретации перехода традиционных сообществ к стадии глобализации. Теория социокультурной травмы мыслилась как некое дополнение и расширение глобализационной теории, а возможно, и как новый лидер в области социологической теории. Причем теория эта в значительной степени предназначалась для переходных сообществ (читай: Восточная Европа, страны СНГ, "третий мир").

В программе конгресса тематика социокультурной травмы была мощно представлена серией пленарных заседаний, проходивших в течение всех дней работы форума.

Здесь, однако, в стройный сценарий выведения теории социокультурной травмы на высокую мировую орбиту ворвались события 11 сентября. Они, как стало видно по результатам конгресса, привели в замешательство мировое сообщество, включая и социологов. Террористический удар выбил из основания теории социокультурной травмы какие-то очень важные опорные блоки. Для мирового социологического сообщества в одночасье стало не вполне ясным, куда и как "транзитирует" мир. Поэтому вопросы социокультурной травмы отошли на второй план. С другой стороны, подвергать терроризм под эту концепцию также не показалось возможным. Уж слишком грандиозен феномен, чтобы скромно называть его "травмой".

Нейл Смелзер в докладе на пленарной сессии непосредственно попытался провести анализ смысла событий 11 сентября. Неделями позже этот же доклад с изменениями он воспроизвел на пленарном заседании съезда Американской социологической ассоциации в Чикаго. И что же? На мой взгляд, доклад маститого социолога в значительной степени повторял клише телевизионных аналитиков: "с одной стороны", "с другой стороны", "надо бороться", "противоречия богатых и бедных стран", "мир протестует" и т.д. Примечательно и то, что на съезде американских социологов в Чикаго тема глобализации практически отсутствовала. Она словно бы растворилась.

Таким образом, 11 сентября совершило и акт своеобразного социологического террора, не дав взлететь теории социокультурной травмы. Произойдет ли вторичная попытка вывода на орбиту теории социокультурной травмы и реанимация теории глобализации, покажет будущее.

Выход социологии на панель

Второй темой, которая, на мой взгляд, зримо и незримо доминировала на конгрессе, стала тема выживания социологии в системе коммерциализировавшегося мира. Характерно то обстоятельство, что эта тема начала все более отчетливо звучать в выступлениях социологов, представляющих весьма богатые страны, в частности, Австралию. Коротко, смысл проблемы звучит так.

Социология - затратная и нежная наука, она не выживает в условиях борьбы за финансирование. Прежде научная социология находилась в оранжерее, созданной университетами, и только по желанию особо алчных и удачливых социологов контактировала с миром корпоративного бизнеса. Теперь же университетское финансирование исследований снижается по фронту всех социологических дисциплин, и социологию, в том числе и фундаментальную, выталкивают (фактически уже вытолкнули) на рынок. Социологи вынуждены идти на поклон к корпорациям. Но здесь возникает досадное противоречие. Мир бизнеса мыслит в категориях бесконфликтного оптимизма и "игры на упрощение", говоря шахматным языком. Напротив, по логической и исторической природе своей социология критична и неоптимистична (в лучшем случае нейтральна) и склонна к усложнениям (многофакторным моделям и пр.). Налицо факт непонимания на, так сказать, клеточном уровне. Что делать?

Совет со стороны старших собратьев по социологическому разуму, который мы могли получить на Всемирном конгрессе, таков. Учитесь приспосабливаться, "актерствовать", изображайте оптимистов, сводящих все в своих отчетах, условно говоря, к трем выводам и двум тенденциям. А вот в глубинах исследований делайте свою работу, как приказывает сердце и диктует научная совесть. Короче, научное лицедейство и двойничество - формула выживания социологии в обществе коммерции и корпораций.

Не собираюсь давать однозначной оценки этому тезису. У нас в России уже давно многие интуитивно пришли к сходным выводам и успешно их реализуют, посмеиваясь над традиционалистами. Но вот открыто пока еще не всегда об этом говорят. Видимо, настает время превратить невысказанное в самоочевидное. Либо... что?

Новые-старые силы в социологии

На фоне треволнений европейско-американской и периферической по отношению к ней социологии разворачивался и другой сюжет, имевший свою интригу. Речь идет о мощном рывке социологов и социологии стран Латинской Америки, Азии и Южной Африки. Уже давно вызревали их гроздь гнева по отношению к социологии богатого Севера. Не теряя времени, сотни, если не тысячи, социологов из этих регионов прошли классическую подготовку в западных университетах, но только для того, чтобы создать свою и только свою социологию, фактически отрицающую классическую традицию. Прежде всего, принципиально и последовательно снимается принцип "свободы от ценностей" в социологии. Согласно этой альтернативной социологии, социальные науки принципиально идеологичны (политичны, ангажированы, религиозны и т.д.). Поэтому социологи должны не только изучать все в категориях "бедность-богатство", "включение-исключение", "неоколониализм", "информационный империализм", "антиглобализм", но и активно идти в политику, госуправление, регионоведение, оставаясь при этом социологами, в том числе на кафедрах и в лабораториях.

Эта нарастающая тенденция в социологии не требует оценки. Достаточно того, что она существует, расширяется. Она фактически подчиняет себе Международную социологическую ассоциацию. Только на основании этого уже следует говорить о ее значимости и серьезности. Немало усилий для вскрытия этих тенденций и их легитимизации положил И. Валлерстайн, президент Международной социологической ассоциации между конгрессами в Билефельде и Монреале и дирижер выборов в Исполком МСА в Брисбене. Мне думается, этот выдающийся американский социолог решил увенчать свою многолетнюю карьеру в теоретической социологии и в органах управления Международной социологической ассоциации совершением переворота в мировой социологии и выведением на лидирующие позиции социологов неевропейско-неамериканского региона.

Окончательного переворота еще не произошло. Но конгресс в Брисбене обозначил дальнейшее и очевидное движение МСА в направлении неклассической социологии. И само по себе избрание П. Штомпки, чисто классического социолога и продолжателя американских традиций, президентом МСА тут же уравновесилось и перевесилось созданием устойчивого большинства *dedicated* "неклассиков" в многонациональном составе Исполкома, притом на ключевых позициях. Характерно и то, что следующий конгресс состоится в южноафриканском портовом городе Дурбан, где, видимо, обсуждаемый процесс приобретет, по моим ожиданиям, еще больший размах даже и по чисто географическим причинам.

Русский форум

А что же российская социология и российские социологи? Как они позиционируют себя в контексте социологического процесса начала века?

Надо сказать, что открытая нелюбовь к западной традиции в социологии (и, как правило, ее незнание) стали, на мой взгляд, отличительной особенностью последних лет развития социологии в нашей стране. Постперестроечное приторное подобострашие перед всем западным к концу 90-х годов сменилось нескрываемым высокомерием по отношению к Западу. Мы, мол, сами всем хороши, и нечему нам там учиться. Говоря о социологии, думается, эта позиция демонстрирует не силу, а как раз слабость тех, кто ее высказывает, пропагандирует и навязывает. В отличие, скажем, от наших коллег в странах "третьего мира", которые строят свою социологию, опираясь на хорошее знание классической традиции и стремление преодолеть ее в силу своего разумения, наши антизападники лишены и этого знания, и внутренней "классовой" убежденности в правоте того, что они делают.

Конгресс в Брисбене сам по себе стал своеобразным социологическим экспериментом, который высветил некоторые позиции и ситуации, характерные для российской социологии наших дней. И этим он также был интересен.

Перво-наперво, примечателен сам состав группы (не делегации, ибо ее и не было) российских социологов, приехавших в далекий Брисбен. Этот состав носил крайне смешанный характер. Но бросалось в глаза то, что многие ведущие и активно действующие российские социологи не смогли приехать в Австралию, прежде всего, по финансовым причинам. В этом был и парадокс и гримаса ситуации. Многие наши коллеги, известные своими работами во всем мире, оказались лишенными возможности очно воспринимать конгресс и быть воспринимаемыми на нем. Наши фонды, главным образом, РГНФ и Институт Открытое общество, исходя из своих наличных возможностей, смогли оказать поддержку участникам конгресса от России, что помогло, в конечном счете, решить вопрос присутствия на конгрессе ряда социологов. Но надо с большим сожалением отметить, что в этих условиях Российское общество социологов (по идее, наша национальная организация социологов, как оно себя называет) полностью устранилось от какой бы то ни было деятельности по мобилизации средств, провозгласив политику полнейшей самостоятельности российских участников конгресса в решении вопросов финансирования поездки. Видимо, это симптоматично для состояния российской социологии, коль скоро она допускает такое развитие событий. Продолжая эту линию размышлений, надо сказать, что в Брисбене не было и ни одного российского социолога, представляющего студенческие, аспирантские и ассистентские массы наших коллег. Такого еще никогда не было ни на одном из предшествующих конгрессов. Ни один российский молодой социолог не прошел конкурса Оргкомитета конгресса, да и сами заявки на этот конкурс носили единичный и некоординируемый характер. И вновь мне представляется, что это результат не козней неких злых сил, а просто отсутствия желания и организованности у РОСа сделать то, что нужно было бы сделать по закону, если так можно выразиться.

В условиях отсутствия в России реального, а не номинального координационного центра по подготовке к конгрессу Сообщество профессиональных социологов вышло с предложением в Программный комитет МСА создать на конгрессе Форум русскоговорящих социологов, позднее переименованный в Русский форум. Это далеко не новый организационный формат работы на конгрессе. Аналогичные формы существуют для франко-, арабо-, испаноговорящих социологов и в целом относятся по классификации МСА к числу "социологических форумов языковых сообществ". Заявка Сообщества профессиональных социологов была с энтузиазмом принята Программным комитетом, и Русский форум обрел свой статус. Однако осуществить всеми принимаемую и всеми одобряемую идею оказалось не так просто.

Само понятие "форум" не подразумевало жесткой селекции участников. Двери любого форума должны быть открыты для желающих высказаться, в данном случае социологов, владеющих русским языком. Организаторы Русского форума провели рекламную-информационную кампанию в России и основных зарубежных странах, стремясь выявить потенциальных участников форума. Вскоре от российских социологов пришла масса заявок. Однако большинство желающих принять участие в форуме не могли никоим образом гарантировать своей поездки на конгресс. Это создало большие сложности в формировании предполагаемой, но реальной повестки дня заседаний. Тем не менее, официальная программа конгресса включила внушительный список российских социологов с темами их выступлений и названиями университетов, которые они представляют. Само по себе это стало важным информационным участием в работе конгресса. Уточненная повестка дня Форума была оперативно распространена среди участников всего конгресса накануне открытия Форума.

В течение двух дней в прекрасной аудитории Квинслендского технического университета проходили заседания Русского форума. Ограниченность времени позволила выступить только тридцати участникам. При этом каждое выступление не могло превышать 10-12 минут. Подавляющее большинство выступлений было опубликовано

еще до конгресса в прекрасно изданном ИСПИ РАН при участии Сообщества профессиональных социологов "конгрессном" сборнике докладов.

Тон на форуме задавали наши видные социологи, представляющие главные социологические исследовательские и учебные центры, как московско-петербургские, так и региональные (Л.М. Дробижева, Ж.Т. Тощенко, А.Г. Здравомыслов, М.К. Горшков, С.А. Кравченко, Д.Л. Константиновский, А.Ф. Филиппов, А.Г. Эфендиев, О.В. Иншаков, В.П. Култыгин и др.). Они выступили с весьма продуманными, взвешенными и, главное, глубоко обоснованными текстами. Причем жесткий временной формат не только не помешал им, но, напротив, еще раз продемонстрировал ту истину, что если есть что сказать, это можно ярко сделать и за 10-12 минут. Многие выступления сопровождались слайд-проекциями, а аудитория получала распечатки текстов на английском языке. То есть форма и содержание сообщений полностью соответствовали друг другу, а в целом все соответствовало негласным стандартам всемирного социологического конгресса. В обсуждении проблем на русском форуме приняли участие и социологи Казахстана, Киргизии, Финляндии, США и Чехии.

Надо признать, что некоторые немногочисленные российские участники конгресса, пользуясь открытостью Русского форума, посчитали возможным для себя выступить с совершенно неподготовленными и чисто спонтанными заявлениями, исполненными политических аллюзий. Притом и серьезных поводов для таких выступлений дискуссия не давала.

Говоря о бесспорном позитиве форума, можно отметить следующее. На нем обнаружился любопытный эффект. Казалось бы, участники Русского форума в большинстве случаев не раз слышали друг друга и неплохо знают, кто чем занимается и как это у него/нее получается. Но атмосфера Всемирного конгресса как-то совсем по-иному осветила и высветила знакомый научный материал. Он стал звучать по-особому значимо, значительно и рельефно. Если здесь, в России, социологи еще в значительной степени живут и работают изолированно, то Русский форум, как в фокусе, собрал воедино то, что здесь у нас не собрано. Это был удивительный эффект единения не показного, не застольного, но академического, настоящего, а также пробуждение неподдельного интереса к работам тех, кто рядом. Это косвенный ответ на вопрос скептиков, которые в кулуарах вопрошали, стоило ли, мол, ехать так далеко, чтобы выслушать доклады хорошо знакомых друг другу русских участников. Думается, обязательно стоило. И по возможности это надо делать и в будущем. Если мы будем интересны друг другу, то станем в итоге интересными и для других. Но никак не иначе! А это может обозначить начало формирования в России широкого профессионального сообщества социологов.

Тенденция атомизации социологии

Эта тема затрагивает и несколько иной, более широкий вопрос. Многие российские и зарубежные социологи на конгрессе отмечали, что конгресс, как целое, как факт и событие, демонстрирует атомизирующую тенденцию в современной социологии. То есть в массе своей социологи не очень интересуются тем общим, всеобщим, что их должно объединять и на чем должен зиждиться конгресс. Напротив, конгресс распался на десятки "социологий", на сотни смысловых групповых центров - сообществ людей профессионально и лично интересных друг другу, но не очень вникающих в эту всеобщую компоненту конгресса и, надо думать, социологии в целом. Эти профессиональные сообщества и группы самодостаточны, самостоятельны и вполне релевантны общей ситуации. Если это так, то Русский форум продемонстрировал свою *самодостаточность*. Насколько я могу судить, все его участники весьма дорожили своей причастностью к форуму, стремились с лучшей стороны и в лучшем контексте представить свои выступления, высказывали весьма интересные пожелания. Все это увенчалось возникновением на Русском форуме неповторимой эмоциональной атмосферы. За пределами форума все его участники работали по индивидуальным программам, но в ходе форума мы были чем-то единым. Хотя бы отчасти.